

Антонина ШАБАНОВА

ЗЕФИРАНТЕС¹

Повесть

Жарко. Много песка вокруг. Мелкие камни. Рядом один большой. Макушка чешется. Пить. Интересно, сколько мне отпущено? *La cucaracha, la cucaracha ya no puede caminar, porque no tiene, porque le faltalas dos patitas de andar*².

— Они были красивые, но бесполезные. Слишком нежные, не приспособились к жизни за двести миллионов лет, — голос звучал сверху.

— Раньше динозавров появились!

— Ну да, мягко говоря, сильно раньше.

Макушка сильнее зачесалась. Скоро.

Кто-то наверху зевнул:

— О ком вы говорите?

— Да о цветах, Чолла.

— А, да, они давно вымерли, — подтвердил зевнувший.

— А кто такие цветы? — спросил кто-то.

— Как тебе сказать... растения, у которых нет колючек — тоненькие стебельки, дохлые листочки, ну а наверху цветы. Красные, желтые, голубые, разных форм — их много всяких разных было.

Послышался гул, разговоры на несколько секунд стихли.

— Ммм... влажный воздух.

— Западный ветер прилетел.

Интересно, что там наверху и кто говорит? Надо вылезать, посмотреть. Макушка уже сильно зудела, зачатки цветоносов стали разрывать сочную белую чешую, потом и бурые сухие чешуйки. О, я продвигаюсь сквозь песок. Я изо всех сил старался помочь цветоносам и уперся донцем в спрессовавшиеся песчинки, зашевелил тонкими корешками и потянулся, как бы выталкивая наверх часть себя. Верхушкой почувствовал дуновение воздуха. Опа, кажется, получилось. В ту же секунду у меня перехватило дыхание. Я увидел чистейшего голубого цвета и бескрайнее небо, пушистую вату облаков, коричневую гору с тупыми вершинами, похожую на замок, — до нее была пара километров; позади нее, вправо, влево — серые островерхие горы. Везде — розовато-бежевый песок, сдобренный разномастными камнями, и зеленые, красивые, самых

Антонина Андреевна Шабанова родилась в 1986 году в г. Душанбе, Таджикистан. Окончила УрГУ им. А. М. Горького по специальности «Журналистика». Член литсовета Международной детской литературной премии имени В. П. Крапивина и отборочной комиссии Ассоциации союзов писателей и издателей России для резиденции в г. Волжский (2023). Участник Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (2021). Публиковалась в областных и федеральных СМИ и в литературном журнале «Нижний Новгород». Живет в Екатеринбурге.

¹ Из романа в повестях «Синхронизация».

² Таракашка, таракашка уже не может бежать, потому что у нее нет, потому что нет двух задних ног (исп. — здесь и далее).

невероятных форм, как на выставке, пышущие здоровьем, в основном гигантские, но и маленькие, как столбы, шарики и звездочки, кактусы. Добро пожаловать в мир!

— Какой кошмар! — я посмотрел налево, откуда звучал голос, и увидел огромный толстый зеленый столб. Казалось, он доставал до неба — метров двадцать в высоту, не меньше. Посередине от столба ветвились столбы поменьше, метров по пять, и тоже устремлялись вертикально в небо. Кактус смотрел на меня, и если бы у него были глаза, они выглядели бы зловещими.

— Кто ты? — спросил я.

— *Carnegiea Gigantea*.

— Это же цветок, какое уродство! — услышал я голос прямо перед собой. Он принадлежал нескольким круглым грязно-коричневым шарикам, обильно покрытым чем-то похожим на волосы. Шарика лежали вместе, кучкой, и напоминали кучку, простите, какашек.

— А ты кто? — спросил я немного дрожащим голосом.

— *Soriароа Marginata*, — проскрипел ответ.

Кактусы заговорили между собой:

— Не понимаю, откуда он взялся. Мы здесь уже давно, и ничего подобного не было.

— Ты уверен, что это цветок?

— Конечно, посмотри, это проклюнулся цветонос. Не похоже на траву, это именно стебель, который вырастет и даст бутон, а потом и цветок.

— Ужас какой.

— Что это значит? Мы все погибнем? — заверещал чей-то малышковый голос. Детка Карнегии Гигантской чуть покачивалась, пытаясь сбежать.

— Да брось ты, — ответил родитель, — негоже царям бояться. Он ничего не сможет нам сделать. Он бессилен. Вял, тонок, одинок. Как видишь, у него даже нет колючек.

— И они потом не вырастут? — уточнил ребенок гиганта.

— Нет, он обречен.

— Уф, — вздохнула Маленькая Карнегия.

— Рабское отродье, — сказал кто-то другой. Я посмотрел направо — говорил кактус-звезда. Он был гладкий, вроде бы без колючек, видимо, эти пышные звездные лучи и были видоизмененными колючками. Из центра «звезды» выходил наверх гигантский толстый мохнатый стебель, он метра два-два с половиной тянулся наверх, а потом, не выдержав собственной тяжести, перегибался и опускался вниз тоже метра на два. Стебель делился на три отрезка разных цветов: бежевый, желтый и зеленый. Экое чудо-юдо. Но я уже не стал спрашивать, как его зовут. — Клоун на потеху, — добавил он.

Честно говоря, я не очень понимал, что происходит. Где цветы? Неужто это не шутка и они все вымерли? Но этого не может быть. Я видел их. Может, я впал в анабиоз в земле и все пропустил? Но как же двести пятьдесят тысяч видов цветов? Неужели они все не смогли приспособиться?

— Простите, — обратился я к главному. — Вы уверены, что ВСЕ цветы на Земле вымерли?

Гигантеа смерил меня презрительным взглядом:

— Кто ты такой, чтобы сомневаться в наших словах?

— Я цветок.

— Не зря вы вымерли, — съязвил Гигантеа. — Глупые и бесполезные. Вот мы — кактусы — лучшие на Земле.

— Ты недостойн жизни, — сказал кактус-какашка.

— Смотрите, он на глазах растет! — вскрикнул сын Карнегии Гигантской.

Все посмотрели на меня и увидели, что за время разговора мой стебель немного подрос.

— Да ну его, не обращайтесь внимания. Сдохнет, как собака, когда придет его время, — сказал кто-то безымянный. Я уже не стал поворачивать голову в его сторону, а поник своим цветоносом и уставился взглядом в песок.

Давным-давно, когда я в первый раз жил, вокруг росло много красивых цветов. Они были добрее, не гнобили меня. Иногда мы ссорились, но в целом жили дружно. Потом — темнота. Не знаю, что случилось, но очнулся я здесь, в песке. Кактусы тоже красивые. Жаль, что злые. Что же мне делать теперь? Как дальше жить?

— ...И вот, представляете, — когда сделал паузу в раздумьях, услышал, что кактусы рассказывают друг другу истории и, кажется, забыли про меня. Думаю, мне так лучше, — он до того иззавидовался, что ночью срезал плод у Дракона и насадил его на одну из своих колючек — типа это его собственный плод!

Кактусы хором засмеялись.

— Простите, — влез я, — разве кактусы умеют перемещаться, чтобы что-то у кого-то срезать? — эх, не надо было выскакивать, но больно уж любопытно. — И кто такой Дракон?

— Драконий фрукт, тупица! — ответил обычный кактус, ничем с виду не примечательный.

— Тсс! Не говори с ним, — оборвал Копьяпоа Маргината. — Пусть почувствует, что он изгой.

Конечно, я не стал переспрашивать, хоть и очень хотелось. Как все-таки он мог переместиться?! Хотя, может, это просто местная байка — развлекаются так, пересказывая ее.

— Короче, Чолла, мы все тогда ржали над тобой, — заключил рассказчик.

— Вот потеха, — оценил малыш Гигантеа. — Я тогда еще не родился.

— Да ладно вам! — обиженно ответил какой-то кактус. — Я был юнцом-максималистом. Исправился же.

Герой рассказа — оказалось, он существовал — выглядел не очень примечательно, по форме напоминал куст коралла с множественными короткими ответвлениями, но не такой яркий и нежный на вид, а серо-коричневый, с особо острыми, кажется, иголками и невзрачными бледно-желтыми маленькими плодами-шишками.

— Ок, Чолла, мы знаем. Но смешно же, — сказал обычный кактус.

Со мной в этот день больше никто не заговаривал. Я тоже молчал.

* * *

Ночью я проснулся от того, что кто-то смотрит на меня. Маленькая веточка Чоллы стояла рядом со мной.

— Как ты?.. — начал было говорить я, но Чолла перебил тихим голосом:

— Тсс, не разбуди остальных.

Я посмотрел по сторонам — действительно, кажется, все кактусы спали. Даже слышалось сопение некоторых. Я ощутил холод, поежился. Посмотрел на небо и ахнул — какая же красота! — тысячи звезд мерцали белым светом, как волшебные рождественские гирлянды.

— Откуда в мире появилось столько звезд? — спросил я шепотом.

— В пустыне их всегда было много. Точнее, их просто лучше видно.

— Почему?

— Воздух очень сухой, а потому прозрачный. Когда воздух влажный, то капельки влаги замутняют обзор, — объяснил Чолла.

— Ого!

— А ты быстро растешь, — заметил Чолла, оглядев взглядом мой увеличившийся за день и полночи цветонос.

— Как ты оказался возле меня? — спросил я.

Чолла чуть качнулся — видимо, от улыбки:

— Меня называют сумасшедшим кактусом. Или прыгающей Чоллой. Редко кто отваживается взять мои плоды, — я слушал с замиранием. — Я умею отделяться сам от себя. И пользуюсь этим, когда человек пытается завладеть моим плодом. Как только он слегка прикоснется ко мне, я тут же набрасываюсь на него.

— Мама! — громко сказал я.

— Тсс! — повторил Чолла.

— Так, значит, ТАК ты срезал плод Драконьего Фрукта?

— Ага, — довольно ответила маленькая колючка.

— Зачем ты пришел ко мне?

— А ты не будешь кричать?

— Нет, — удивился я.

— Хочу убить тебя.

Я чуть не закричал.

— Почему?

— Чтобы тебе было легче, — ответил Чолла и чуть придвинулся ко мне.

— Что-о-о? — спросил я и попытался отодвинуться, правда, в отличие от убийцы у меня это не получилось.

Чолла вздохнул:

— Эх, цветок, как тебя там?

— Зефирантес.

— Зефирантес, пойми, ты не сможешь жить среди наших. Ну сможешь физически, только трудно будет очень, невыносимо. Они никогда тебя не примут. Всегда будут гнобить. Все цветы давно вымерли, и, по правде говоря, кактусы очень этому рады. Мы сами произошли от цветов, но превзошли вас, потому что сумели приспособиться к неплодородной земле и засухе. Вот мы и чувствуем превосходство. А чувствующий превосходство никогда не будет дружить с менее значимым видом.

Я посмотрел вокруг — темные волны песков, спящие тени кактусов, величественные фигуры гор, наверх — милые звездочки и полнокровная луна — и ответил:

— А ты? Ты тоже не можешь со мной дружить?

Чолла замялся.

— Я... я бы даже если захотел, не смог: меня не поддержат товарищи, — Чолла подпрыгнул и лег горизонтально, так, что я с трудом различал его на темной поверхности. — Но я могу тебе оказать дружескую услугу — убить тебя. Ведь ты сам не сможешь... себя.

— Но я не хочу умирать! — ответил я и всхлипнул.

Чолла пристально смотрел на меня. Прошла минута молчания.

— Подумай, — серьезно напутствовал колючка.

Прошла еще минута. Я смотрел на небо. Не хочу с ним расставаться. А вдруг я когда-нибудь встречу своего сородича? Такого же, как я, после анабиоза?

— Нет, — решительно заключил я. — Спасибо, Чолла, ты настоящий друг, но я не хочу.

Чолла молча покивал и запрыгал прочь от меня. Еще чуть-чуть — и я его уже не видел. Заснуть в эту ночь я больше не смог. Интересно, что лучше — мертвым среди своих или живым среди чужих?

* * *

— Ого, как он быстро растет! — кактусы разглядывали меня с недоумением.

Я знал, что сами они, хоть и живут сотни лет, растут очень медленно. А мой цветонос и правда за сутки вырос на добрых сантиметров десять.

— Зато вы очень долго живете! — с почтением ответил я. За ночь раздумий я избрал тактику: подлизываться.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты хочешь сказать, что быстрый рост — твое преимущество?

— Нет-нет, что вы! Я просто имел в виду: здорово, что медленно растете, основательно все обдумывая, набирая вес и силу, а потом так долго живете!

— Это да... — ответил гладкоствольный кактус, состоящий из нескольких небольших в диаметре, но длинных, до метра, прямостоячих стеблей.

— Как тебя зовут? — осмелел я.

— Echinopsis Pachanoi, или просто Сан-Педро, так меня называют в народе.

— Но при чем тут Святой Петр? — спросил я.

Сан-Педро засмеялся:

— Ух, какой умный цветок! Да, в честь Петра меня назвали. Потому что я обладаю священным даром проводить в другой мир.

Вокруг послышалось недовольное бормотание кактусов.

— Как это? — уточнил я.

— Тебе рано это знать... Скажем так: меня использовали шаманы, и не только, чтобы открыть истину.

Я задумался. Не понял, что это значит, но решил не навязываться, раз мне сообщили, что не моего ума дело.

— Слушай, он к тебе подлизывается, — проскрипел кактус-какашка. — А не потому ли ты с ним разговариваешь, что сам быстро растешь?

— Да что ты, — хмуро ответил Сан-Педро, — он и рядом со мной не стоит. Да, я расту побыстрее некоторых, но не имею никакого отношения к цветам.

Я услышал, как рассекается воздух, посмотрел вверх и увидел орла: он приземлился прямо на Гигантеа. В том месте, где Карнегия разветвлялась и образовывалась чашечка из стен-столбов, птица свила гнездо. Орел был так прекрасен, что я залюбовался им и даже не успел испугаться.

— Уважаемая Карнегия Гигантеа, — снова стал лебезить я. — Вы так величественны, что даже орлы с вами рождаются.

— Кто только со мной не роднится, — ответил он. — Меня любит живность.

Кактус замолчал, думая про себя, а я разглядывал его: глубокие борозды и ребра, болотный цвет, хотя нет — если приглядеться, сам кактус светло-зеленый, а колючки на гребешках ребер светло-коричневые, в целом и кажется болотный. Май гад! Дупло! Я бы не заметил его, если бы в этот момент из него не выпрыгнула голова дятла. Неужели дятел продолбил дупло в кактусе? Как необычно...

— Что ты так пристально смотришь? — спросил гигант.

— Восхищаюсь вами, — ответил я, и самому стало противно.

— Черт, он точно подлизывается! — с жаром сказал кактус-звезда с пятиметровым разноцветным стеблем, перегибающимся от собственной тяжести. Я наблюдал его вчера, но не решился спросить имя.

— Простите, как вас зовут?

— Да пошел ты! — ответил он и качнул своим внушительным стеблем, так что я даже испугался, что эта штукавина достанет меня и прихлопнет.

— Да-да, — тоненьким голоском поддержал кактус, которого я раньше не замечал: овалы плоские стебли, больше напоминающие толстые листья, выростали друг из друга, как руки, ноги и голова из человеческого тела. Листья, то есть стебли, были похожи на ракетки для настольного тенниса. Человек-ракетка, то есть кактус-ракетка, то есть кактус-ракетка-человек.

— Не волнуйся, Опунция, мы сами с ним разберемся, — сказал безымянный звездный кактус, а Опунция чуть вздернула голову-ракетку с бигудями-плодами и взмахнула редкими колючими ресницами. Женщина.

* * *

Льется музыка. Прекрасная музыка. Пальцы сливаются с клавишами. Закрываю глаза, покачиваю головой. Отрываюсь от земли и лечу. Знание, абсолютное знание. Уверенность, мудрость и дрожь. Щемящая правда. Принятие. Бальзам поливает душу и объясняет ей: так надо, это жизнь. А ты веришь, что достигнешь света. Придешь к нему, хотя будет трудно. Ты не видишь ничего вокруг, взлетаешь над оболочкой. Проникаешь насквозь, видишь суть. Постигаешь умиротворение. Это то, что я хотел сказать, мой подарок миру. Мир, держи. А я пойду, сколько смогу еще.

Это было отражение лунного света в озере Люцерн. Маленькое озеро в Швейцарии, окруженное скалами, днем переливается бирюзой, зеленью и белизной, а ночью, темно-синее, манит загадочной лунной дорожкой. Так сказал тезка Рельштаб, критик, через пять лет после моей смерти. А я-то назвал по-простому: «В духе фантазии», № 14. Его название осталось на века — что ж, ведь он мастер слова, пусть называет.

— Ножесо, — прохожий пнул меня ногой, я упал на бульжник.

Он быстрым шагом удалился. Наверное, он сказал «ничтожество». За то, что я не услышал его вопрос. Наверное, он хотел спросить, как пройти куда-то. Или денег. Глупышка. Завтра с ним случится что-то, но он не будет называть себя ничтожеством...

Моя соната. «Лунная соната». Какое счастье, что я написал ее, несмотря на слух. Ради этого стоило грести в поломанной лодке. Где мой бокал? Ах да, мне уже не выпить вина. Я путаюсь, путаюсь... Людвиг ван Бетховен... Я... Он... Что это?

Я ощутил свою луковицу, стебель и стал возвращаться из мира грез. Мне снился сон, будто я человек?! Я не мог поверить в это, раньше такого не было. Где же я слышал эту историю?.. Люди рассказывали в моей прошлой жизни. Поразительно.

Я очнулся и понял, что стал выше. Стебель подрос, зародился бутон — может, потому такой сон? — и даже проклюнулись из песка листики. Уже два дня кактусы не разговаривали со мной, только иногда отпускали обидные словечки. Но по большому счету, я перестал для них существовать. Они и малышам своим наказали, чтобы те со мной не общались. Что ж, мне так спокойнее, наверное. Буду расти и созерцать природу. И ждать друга — вдруг вынырнет по соседству? Солнце щекотало меня своими лучиками, горный вид впереди завораживал, и мне было хорошо. Умиротворение.

— Берегись! — крикнул кто-то из кактусов.

Смуглая женщина лет пятидесяти пяти подходила к нам вразвалочку. Крепенькая, низенькая, она была одета в пеструю юбку до щиколоток, в разноцветную кофту с множеством мелких ромбиков. На голове сидела такая же яркочерная чалма, из-под нее выбивались черные пряди волос. Ненакрашенные губы сливались с лицом. Женщина шла и смотрела по сторонам. Кактусы затихли — ни звука, ни вздоха, ни шеления — казалось, хотели, чтобы человек их не заметил.

— Aquí está, cariño!³ — воскликнула женщина, остановившись перед кактусом, имени которого я не знал.

³ Вот он, родненький!

Он выглядел как дерево — с сухим толстым стеблем и копной мясистых, но, кажется, бесколючих кактусовых листьев, их было очень много, наверное, пару сотен, и они свисали, как лианы. На кончиках цепко держались, казалось, за ниточку крупные красивые плоды — темно-розовые, гладкие, с редкими чешуями.

Гостья достала из тряпичной сумки перочинный ножик, осторожно отделила им плод от листа, улыбнулась, повертела в руках розовое яблоко, разглядывая. Положила на песок. Достала из сумки еще одну такую же, расправила дно на песке, нежно отправила туда фрукт. Так она срезала плод за плодом, аккуратно складывая их в сумку — штук семь-восемь в одну, столько же в другую. Затем оглянулась, еще раз улыбнулась, взяла из сумки один фрукт и села с ним на песок. Ласково разрешила его вдоль — внутри он оказался чистого белого цвета с малюсенькими черными зернышками. Женщина разрешила половинку еще на три дольки, взяла кусочек и стала есть. Доела до кожуры, положила ее в сумку. И таким же образом поглотила весь оставшийся фрукт. Крякнула, вздохнула, поднялась, взяла сумки, осмотрелась по сторонам и заковыляла от нас.

Только когда ее фигура скрылась за дюной, кактусы вышли из оцепенения.

— Как ты? Бедный. Переживал за тебя, — обращались к пострадавшему кактусу наперебой.

Кактус-дерево спокойно ответил:

— Все в порядке, она не оставила ни царапинки на моем теле. А плоды отдавать — естественно, как роды у женщин.

— Что такое роды?

— Что такое женщин?

Детки слышали взрослый разговор и не могли не спросить это.

— Женщина — это вид человека. Который к нам только что приходил. Как у нас — кактус Карнегия, кактус Копьяпоа, — малышам ответили только на последний вопрос.

— Держись, Драконий Фрукт! — поддержал Чолла.

Так вот как его зовут! Интересно, почему драконий?

— Да все в порядке. Я больше переживал, что она что-нибудь сделает со мной.

Я решил не поддерживать Драконьего Фрукта: опять воспримут как подлизывание. Хотя я действительно подлизывался тогда. А что еще делать? Я пока не придумал.

* * *

Черные щупальца с шипами изгибались в разные стороны. Мимик смотрел прямо на меня. Из черноты недр просвечивал огонь. Позади и вокруг мимика дымились черные столбы. На песке разбросались обугленные обрывки тел. Я боялся, что мимик сейчас разинет пасть с динозавриными зубами, извергнет огонь и набросится на меня, со скоростью света перекатившись по песку. Да, я смотрел фильм «Грань будущего» вместе с людьми, когда жил среди них. Но нет, я стянул оцепенение и понял, что смотрит на меня страшный кактус — толстые шипастые щупальца расходились из центра непонятно чего, короткие, длинные, местами переплетенные. Я не мог понять, на что они больше похожи: на кишки, на глистов, на клубок змей? В любом случае было очень противно. Хотелось отбросить этот вид как сновидение, но я обречен на неспособность убежать... Я понимал, что это не мимик, но все-таки казалось, что жуткий кактус, в отличие от меня, сможет сорваться с места и наброситься, кувыркаясь. А потом он проткнет меня насквозь своим колючим щупальцем или, чего хуже, заползет внутрь и внедрится в тело, как в «Чужом». Том Круз, где ты?

— Страшно? — зловещим голосом спросил кактус-мимик.

— Да, — выпалил я, не задумываясь.

— Будем знакомы, *Cleistocactus Winteri*.

— Дда, — заикнулся я. — Зефирантес.

— А я *Cleistocactus Vulpis-Cauda*, — услышал я голос позади себя, повернулся и вскрикнул: — Аааааааааааааааа!

— Заткнись, чего орешь, — прервал мой крик первый мимик. Второго я как раз увидел позади себя.

Если бы я был человеком, меня бы вырвало от отвращения. Второй экземпляр был таким же кактусом-мимиком, только вместо колючек он покрылся густыми белыми волосами. У него росло меньше шупалец, но они простирались дальше по почве.

— Дорогая, Лисий Хвост тебе идет больше, — сказал первый мимик.

— А тебе — Обезьяний Хвост, — кокетливо ответило второе чудовище.

И тут произошло то, отчего меня вместо того, чтобы вырвать, повалило на землю, будто ветром: оба чудовища протянули друг к другу по одному своему шупальцу и сплелись ими в поцелуе. Буэээ, — я почти услышал звук рвоты. Мама дорогая.

Мимики расплелись, беловолосый прополз обратно мимо меня — я поежился.

— Ну что, Зефирантес, — продолжил разговор первый мимик. — Вижу, ты трясешься от страха. И правильно! Глядишь, помрешь так, — и он расхохотался. Закончив, добавил: — А если серьезно, знай свой шесток: ты отброс, недоразумение природы, уродливый эмбрион. Бойся меня! Хотя я и не прыгаю, но вдруг эволюционирую и нападу!

И кактусы-мимики заверещали от хохота в унисон. Пошел сухой дождь, и я умолял Бога наслать торнадо. Теперь я сам захотел умереть.

* * *

Облака сгустились, покрылись черными пятнами. Потемнело. Задул ветер, в воздухе чувствовалась влажность. Где-то рядом прошел электрический разряд — молния пронзила небо вместе с красным ореолом. На нем виднелся черный сгусток — как будто капля крови упала в воду. Через пару секунд обрушился гром — ого, как близко. Давай, давай. Дождь не долетал — капли испарялись еще в воздухе, не успевая добраться до земли. Я слышал от кактусов, что иногда здесь бывает обычный дождь, как везде. Но не сегодня. Темнота стала отступать. Торнадо не пришло.

Прошло два часа гнетущей пустоты.

— Эти не должны тронуть, — услышал я сквозь вакуум.

— Да, туристы, — прозвучал другой голос.

Я осмотрелся по сторонам. Справа по той же тропинке, что заглядывала к нам женщина, шла группа людей. Они были одеты совсем не так, как первая гостья: в шортах и футболках, в штанах и рубашках, с панамками, платками и кепками на головах.

— Девочки, приготовьтесь, — велела Опунция сородичам и захлопала колючими ресницами.

— Кто сегодня? — спросил безымянный кактус.

— Непонятно пока, — ответил главарь Карнегия. — Не слышу еще их голоса. Но точно не мусульмане.

Люди приближались и постоянно фотографировали нас издалека.

— Русские, — заключил Гигантеа.

— О, были, были, помню, помню, — послышалось вокруг.

Если они добрые и не тронут, может, заберут меня от этих кактусов? Я с любопытством разглядывал подходящую группу людей. Когда они оказались совсем близко, я увидел, что у большинства из них очень удивленные глаза. Мужчины, женщины

и дети подолгу задерживались у каждого кактуса и восхищенно разглядывали. Неужели я правда урод по сравнению с ними?

— Уважаемые туристы, прошу прощения, но я вынужден в очередной раз напомнить вам, что трогать руками кактусы запрещено, — обратился к людям, по-видимому, их главарь. Он был одет почти так же, как они, только рубашка его пестрила узорами, похожими на одежду первой гостьи, а на голове сидела чалма. — Берегите их, а то ваши внуки никогда их не увидят.

— Конечно, конечно, само собой, — согласились люди.

— Ты заметил, что Мексика тоже похожа на сапог, как Италия? — спросил один.

— Нет, — ответил второй. — Разве?

— Да, приглядишься на карте — тоже сапог, только не такой ровный, как у Италии. Кривоватый, — улыбнулся первый.

Второй покивал.

— Здесь вы можете увидеть и самый крупный кактус — *Carnegiea Gigantea*, местные жители называют его Сагуаро. Высота этого экземпляра девятнадцать с половиной метров, и это последний экземпляр, — главарь людей сделал ударение на слове «последний». — К сожалению, он перестал цвести. Его плоды были съедобны. Кстати, их ели не только люди, но и летучие мыши. По вкусу плоды напоминали клубнику. А весит этот гигант две с половиной тонны.

— О-о-о, — раздалось сразу от нескольких людей.

— Также здесь представлен и самый маленький кактус — *Blossfeldia* — диаметром всего один сантиметр. Вот здесь, нагнитесь и увидите маленькие шарики, — главарь указал рукой на красный заборчик, поставленный по небольшому кругу. Он был далеко от меня, и я не догадывался, что там. Теперь знаю, но никогда не увижу, ведь я не смогу подойти и нагнуться. А здорово было бы с ним пообщаться — наверное, он безобидный, раз маленький.

Туристы разглядывали кактусы около часа. Меня не заметили. А ведь у меня уже выросли длинные листочки, высокий стебель и бутон, который начал раскрываться, просвечивая сиреневым. Они должны были меня заметить! Надо же, все цветы давно вымерли, а людям наплевать. Наверное, и правда мы не приносили никакой пользы? Поэтому природа от нас избавилась? Постойте, а как же пчелы? Поди, люди придумали что-то другое.

Как только туристы ушли, на меня обрушился шквал возмущений:

— Что ты тут выскочил!

— Мы бы со стыда сгорели, если бы тебя увидели.

— И чего ты вздумал открывать бутон именно сегодня!

— Но я же не контролирую это, и я не знал, что к нам придут гости, — пытался оправдаться я.

— Все ты знал!

— Ох, девочки, мальчики, ладно, не позволим этой выскочке портить нам настроение. Вы видели, как на нас смотрели? — проворковала Опунция.

— Да-а-а, — раздался подземельный голос кактуса-какашки.

Все кактусы продолжили бурно обсуждать своих воздыхателей, а я опять остался один в целой пустыне. Или во всем мире?

* * *

Сегодня я распустился окончательно. У меня выросло шесть продолговатых лепестков, широких у основания и заостренных кверху, нежного сиреневого цвета. Из зеле-

ной сердцевины с белым ореолом выходили шесть желтых тычинок. Ах да! Мои лепестки родились не гладкими, а в мелкий мягкий рубчик. Дугой загибались кнаружи, искренне раскрывшись для каждого. И мои листочки поднялись от песка высоко наверх — тонкие, длинные, сочно-зеленые. От этой нежности я решил перейти к решительным действиям.

Я все понял: их не возьмешь лаской, добротой, рассудительностью. Подлизыванием. Надо стать похожими на них — тогда они меня примут. Так я и сделаю.

— Научите меня, как быть колючим! — громко сказал я, когда возникла пауза в общении кактусов.

Сожители посмотрели на меня с недоумением.

— Зачем тебе это надо? — спросил Гигантеа.

— Хочу быть похожим на вас! — так же громко, чеканя слог, как солдат, ответил я.

Кактусы посмотрели на главного, словно дети, выжидающие реакции родителей, чтобы понять, плакать или нет. Карнегия кивнул:

— Это похвально.

— Это похвально, — повторил мимик.

«Что дальше?» — обратились с неммым вопросом к главарю кактусы.

— Листья должны превратиться в колючки, — сказал мне Гигантеа.

— Как это сделать? — я был полон решимости.

Карнегия смотрел на меня проницательно.

— Обдери их об камни, — объяснил он.

У меня похолодело внутри. Молчание цепко зависло в воздухе. Все смотрели на меня в ожидании. Без презрения, но с вызовом, решительно. Они действительно хотели, чтобы я сделал это. Искренне хотели. Искренне хотели, чтобы я разбился? Изуродовал себя? Так ведь... Неужели это так важно? Но раз искренне, то да. Я понял, что это последний мой шанс. Пока они ждут этого, пока они верят в меня. Я их не подведу.

Я изо всех сил наклонился вниз и ударился листочками об камень. Боль заполонила меня. В горячем тумане я посмотрел на три пульсирующих листа — они были немного изодраны, но совсем не похожи на колючки. Тогда я стал биться об камень еще и еще, сквозь боль на секунду останавливался, осматривал ошметки и бился дальше. Поворачивался другими, целыми листьями и тоже приносил их в жертву. Я был одним сплошным ядром боли. Но боль отвержения была сильнее. Поэтому я плевал на боль и дрался сам с собой дальше.

Наконец что-то заставило меня остановиться. Я поднял стебель, оглядел себя вокруг — от меня остались обрывки мяса. Как в морге — порезанные для исследования и лежащие кучкой кусочки мяса мертвеца. Я был изуродован. Но я не был колючим. Я был просто мертвецом. Я поднял цветок наверх и впервые за резню посмотрел на кактусы. Они смотрели на меня со страхом, уже по-другому, без вызова и ожидания, в оцепенении, но по-прежнему молча. Прошла минута, наверное.

— Ха-ха-ха, — раздался смех какашки. Затем кактус резко остановился и медленно, очень медленно и презрительно добавил: — Ты стал еще гаже.

Я не успел ничего подумать и потерял сознание.

* * *

Следующие несколько дней я был в беспамятстве. В нашей пустыне прошел настоящий дождь — но я этого не заметил, хотя раньше так ждал. Сквозь пустоту до меня иногда доносились презрительные взгляды и замечания кактусов — а я не мог на это даже обидой реагировать. Никак. Казалось, у меня была лихорадка. Мой стебель

с цветком пригнулся к земле. На призраки листьев я старался не смотреть. Не знаю, о чем я думал. Только одно пульсировало: чтобы этого не было. Прошло. Исчезло. Растворилось. Растворился я.

В какой-то момент появились химадоры. Я слышал от кактусов, что их так называли. Темнокожих мужчин, которые приехали к нам на грузовичке и тракторе. Их было четверо, по-простому одетых — в рубашках, штанах и кепках или панамах. Они расположились основательно, сразу разбили палатки. Подошли к нам с орудиями в руках — коа. Грубо говоря, круглый топор — длинное древко и железный круглый лист, остро заточенный. Во мне не было ни капли страха. Я просто сквозь пелену наблюдал. Химадоры сразу приблизились к агаве — кактусу-звезде, который в первый день знакомства назвал меня «рабским отродьем». Он уже сбросил свой пятиметровый разноцветный хобот — тот валялся рядом.

— ¡Excelente ejemplar! Yo me encargo, busquen a los demás⁴.

Трое химадоров пошли среди наших и остановились почему-то у таких же кактусов-звезд.

— Oye, Sebastian, mira esto⁵, — крикнул один мужчина тому, который остановился у моего обидчика.

Себастьян подошел, взглянул на агаву:

— Pequeño todavía, deja lo crecer⁶.

Химадор нашел агаву побольше и основался возле нее. И тут наши гости разом замахнулись коа и стали срубить у агав их листья-лучи. Видимо, коа были очень острыми, а колючки-листья агав очень твердыми, потому что обрубались с сильным треском. На месте оснований листьев — на сердцевине кактусов — оставались белые мидиеобразные следы. Я не думал, больно ли агавам — об этом я не мог думать, будучи сам переполненным болью. Срубив нижние листья, мужчины стали долбить коа у основания агав, отрезая их корни. Это делалось с трудом: агавы оказались крепкими. За это время химадоры пару раз подтачивали свои коа мусатами. И снова и снова со всей силы долбили по корням. Наконец агавы не выдерживали и катились, как головы Берлиоза. Теперь они были похожи на ананасы — с такими же белыми чешуйками и венцами недоспелых листьев.

— Tequila, Tequila, — приговаривали химадоры. — ¡Por fin la probaremos otra vez!⁷

Мужчины продолжали разделяться с ананасами — обрубали оставшиеся листья, скальвали пеньки от ранее отрезанных колючек. Когда от грозных агав с листьями-звездами и пятиметровыми стеблями остались лишь скальпированные шары (индейцы! А ведь точно, они похожи на индейцев), химадоры успокоились.

— Kilogramo ochenta⁸, — заметил один, приподнимая сердцевину руками.

— No tengomenos de noventa⁹, — сказал другой.

Похитители агав закинули их обугленные тела в грузовик с помощью ковша трактора. Накрыли тентом. Развели костер возле своих палаток, что-то приготовили и съели и стали проводить траурную церемонию — танцевать (древний индейский танец?). Они называли его марьячи. Один из мужчин играл на гитаре веселую мелодию, трое смешно отплясывали ногами, закинув руки за спину, — это было очень похоже на расхаживание петухов. Наконец улеглись спать.

⁴ Отличный экземпляр! Я займусь, ищите другие.

⁵ Эй, Себастьян, посмотри.

⁶ Маленькая еще, пусть растет.

⁷ Текила, текила. Наконец мы попробуем ее еще!

⁸ Килограмм восемьдесят.

⁹ У меня не меньше девяноста.

Тут завопили кактусы. Повсюду слышались слезы и стенания. Девочки причитали, мужчины ругались или молчали, дети плакали. Но все это перебивали звуки чудовищного воя — их извергали оставшиеся целые агавы. Их не тронули сегодня, но все понимали, что раз химадоры остались на ночь, то завтра они продолжат свой ритуал. Знание о неминуемости ужасной участи — одно из самых страшных. Почему-то пришло на ум название фильма: «Убей меня первым». Вроде нет такого. Запатентовать, что ли? Я почти засмеялся. Представляю, какой эффект бы имел мой смех среди скорбящих кактусов.

— Зачем они это сделали, папа? — спросил детка-кактус.

— Из сердцевины агав люди готовят свой национальный напиток — текилу.

— А как же?.. ради этого убивают? — Папа молчал. — Но если они всех убьют, то больше неоткуда будет взять?

— Им сильно хотелось, сын... Попробовать.

Опунция картинно верещала, какашка пыхтел так, что эти звуки были похожи на пукание, — и я опять чуть не засмеялся. Надо же, даже от боли отвлекся. И чего это я стал таким циничным? Теперь все неважно? Кстати, меня никто не замечал. А ведь это отличная новость! Не замечают, потому что им так плохо и страшно, что не до меня. Это что получается — когда другим очень плохо, то для меня это хорошо? Собственный вывод меня потряс. Прокручивая в голове эту странную мысль, я заснул, не обращая внимания на вопли кактусов и забыв про собственную боль.

* * *

На следующий день произошло то, что должно было произойти: агавы исчезли. Химадоры собрали Берлиозов, закинули в грузовик, быстро свернулись и уехали. В этот раз без траурной церемонии. Повезло только одному экземпляру, которого химадоры посчитали маленьким. Он, кстати, замкнулся и перестал разговаривать.

Еще через день к нам опять пожаловали... — гостями я уже перестал называть людей — захватчики. Земля завибрировала от дрожания кактусов. Двое белокожих мужчин и одна бледнолицая женщина в строгих черных костюмах расхаживали между нами и почему-то не обращали никакого внимания на Гигантеа, мимика, агаву, Драконий Фрукт и другие впечатляющие кактусы. Люди в черном наклонялись к земле и искали маленькие неприметные растения. Найдя, присаживались на корточки, внимательно разглядывали, звали напарников и что-то обсуждали. Они срезали штук двадцать «декоративных», как они их называли, кактусов и уехали на черном джипе в окружении телохранителей. После них пустыня, казалось, была окровавленной: повсюду пеньки от обрезанных кактусов, пробуровленные обувью дыры, отсвет заката на золотом песке и смесь криков. Меня в этой панике по-прежнему не замечали. Я сдержанно ликовал.

И вот кактусы наконец пришли на собрание. Но у них никак не получалось придумать, как выйти из этой ситуации, как предотвратить монгольское нашествие. Я тоже размышлял об этом. Они действительно ничего не в силах сделать, разве что колючками заколоть, хотя люди осторожны и не наваливаются на колючки. Если только Чолла на них прыгнет, но в одиночку он не справится. Кактусы не ходят, в этом их слабость. Но не безнадежность, они умеют другое — говорить. Это может быть их силой, они не пробовали. Я подумал было помочь им, но осекся. Помочь? Кто я такой? Просто... взгляд со стороны. Но вроде здравый, подкину им мысль. Зачем мне это? Не знаю. Неприятно видеть, как все вокруг истребляется. Даже если это твои враги. А может... они зауважают меня? Если я им дельное решение подскажу. Попробую. Пожалуй.

Я распрямил свой стебель, потянулся сиреневыми лепестками вверх, расправил, как мог, свои культи и прокашлялся:

— Кхм, кхм... Сеньоры и сеньориты!

Все посмотрели на меня. Я продолжал:

— Позвольте мне высказать свое мнение в вашем собрании.

Все молчали. Вдруг воздух рассек взмах крыльев — к нам стремительно приближалось невероятное зрелище. Бабочка с расцветкой зебры. Я не шучу! Именно такая окраска. Помню, я видел, как одна женщина, в моей прошлой жизни, пекла торт. Когда его разрезали, внутри оказалась расцветка зебры. Его так и называли люди: торт «Зебра». Интересно, как называют эту бабочку? Это чудо село на цветок Опунции на ободке ее головы. И стало с жадностью пить нектар. Хотя нет, бабочка была так мила — я бы не стал говорить «с жадностью», я бы сказал «с упоением», «с вдохновением». Я загляделся на нее и забыл про все вокруг. Меня прервал голос:

— Бабочка-зебра-ласточкин хвост.

Это сказала Опунция. Она была довольна, и даже спесь спала с ее кактусинового лица.

— Моя дорогая, — сказала она.

— Что? — спросил я. — Ласточкин хвост?

— Посмотри, — ласково произнесла Опунция.

Я стал рассматривать хвост чудесной бабочки — он был длинным и раздвоенным, как у ласточки, и напоминал вилку для торта. Того самого, торта-зебры. Изысканная десертная вилка. Изысканный торт. Изысканная бабочка. Господи, а вишенка-то! У основания хвоста звенело маленькое красное пятнышко. Вишенка на торте...

— Ты что-то хотел сказать? — спросил Гигантеа.

— А? Да, — я попытался собраться с мыслями, силой отвел взгляд от бабочки. — Уважаемые кактусы! Не считите за фамильярность, меня посетила такая мысль: что если вам использовать ваш дар говорить при людях?

— Нельзя, — серьезно заметил Гигантеа.

— Табу, — подтвердил мимик.

— Зачем? — спросил Чолла.

— Чтобы напугать, — ответил я. — Представляете, как они испугаются, если вы при них заговорите?

Кактусы молчали.

— Растения никогда не говорят с людьми, — продолжал я. — Но почему? Может, природой так установлено, но можно же нарушать это правило, когда речь идет об угрозе вымирания?

— Нельзя, наверное, — задумчиво сказал Драконий Фрукт.

— Почему?

— Не знаю, так повелось. Наверное, от этого нарушатся какие-то законы природы.

— А если наоборот? — допытывался я. — Если они нарушатся сейчас, если вы не будете влезать?

— Странная мысль, — сказал Гигантеа.

— Согласен, — вторил безымянный кактус.

— Но можно подумать, — добавил Гигантеа.

Воцарилась тишина. Все в оцепенении смотрели на Карнегию Гигантскую.

— Давайте попробуем, — сказал гигант. — Цветок прав. Как там... тебя зовут?

— Зефирантес, — ответил я, замявшись.

— Цветок западного ветра, — растянуто сказал Гигантеа. Это звучало так уважительно, что я был ошарашен.

— Что значит цветок западного ветра? — спросил кактус-какашка.

— Зефир — бог западного ветра, антес — цветок. По-гречески.

— Но почему его так называли? — спросил какашка.

— Он вылезает из земли и цветет тогда, когда дует влажный теплый ветер с запада.

Я слушал этот рассказ о происхождении моего имени и наливался теплом и уютом. Вернулся взглядом к бабочке — та все еще пила нектар.

— Расскажи подробнее, что ты предлагаешь, Зефирантес? — спросил великан.

Я ответил, не отворачиваясь от красавицы зебры:

— Вы будете говорить — неважно что, угрозы, рассуждения, завывания, а люди подумают, что здесь водятся духи. Люди не любят чертовщину и будут держаться от нас подальше.

Бабочка-зебра-ласточкин хвост приподняла хоботок от цветка Опунции, расправила сосредоточенные крылья, секунду подумала, взметнула черно-белыми лепестками и стремглав улетела от нас. Я, спокойный, посмотрел на своих соседей — и не увидел среди кактусов ни одного недоброжелательного взгляда. Я был рад. Наверное, впервые в этом пустынном месте.

— Это хорошая идея, Зефирантес, — сказал мимик.

— Да-да, — подтвердила его волосатая подруга.

И мы даже поболтали, совершенно неожиданно, как старые друзья, о том о сем. Я ощутил вкус общения, манящий аромат взаимообмена теплом, энергией, доброжелательными словами. Я заслужил признание? Кажется. Возможно. Надеюсь. Своим предложением? Да. Получается, умом? Да. Значит, кактусам нравится ум. Может быть, они думали, что все цветы — пустые красотки? Интересно, как красота может все испортить... Я помню — хоть это и звучит заносчиво — люди раньше восхищались нами. А кактусы завидовали? Эх, ладно, живем дальше. Главное — признание. Меня признали. Меня похвалили. Со мной поговорили. Можно вздохнуть спокойно. И я вздохнул, посмотрев в ровное синее небо.

* * *

— Эй-эй, ты знаешь, какой сегодня день? — услышал я сквозь сон.

Безымянный кактус смотрел на меня сверху вниз: по-другому он не мог, был слишком большим. И это не Карнегия Гигантеа, другой, мне не довелось с ним познакомиться. Он был как бочка — огромная и круглая, в высоту где-то два метра, может, и больше, а в ширину метр-полтора. Вместо клепок у кактуса-бочки выпирали очень жесткие ребра с глубокими впадинами. Колючки выглядели вовсе не как колючки, а как самые настоящие швейные иглы — трехсантиметровые, толстые, серые. Наверное, даже слону страшно подходить к такой игольчатой бочке. Глядишь, и его толстую кожу проткнут, стоит только оступиться. Так, но наверху очень даже красиво — какие-то ананасики растут. Очень похожи, правда: желтые плоды, вытянутые, чешуйчатые, а наверху сухие венчики. Мило.

— Ну? — нетерпеливо спросила Бочка.

— Э-э-э, нет, не знаю, — ответил я.

— Сегодня ночью Дракониий Фрукт будет распускаться.

— Что делать?

— Раскрывать цветки.

Я молчал.

— Вон, видишь, у него, кроме фруктов, висят желтые пучки?

Я посмотрел на Дракониий Фрукт — дерево с гладкими колючками-лианами, на котором обильно росли розовые плоды и желтые соцветия. Я кивнул.

— Это не все, что прячет Питайя, — продолжал большой кактус. — То есть как раз другое она не прячет, а это прячет.

— Что?

— Цветки.

— Так вот же, желтые? — не понял я.

— Нет, это просто створки. По ночам они раскрываются и освобождают невероятной красоты большие белые цветы, — последние три слова бочка произнесла размеренно и с пиететом. — Это очень красиво. А еще они прекрасно пахнут.

В целом если бы раньше мне это сказали, я бы разозлился или, как минимум, обиделся. Кактусы любят цветы? Почему тогда меня они презирают? Ведь я тоже цветок и тоже красивый. Но сегодня сказанные слова не возымели такого эффекта, потому что я был рад. Рад, что со мной разговаривали как с другом, делились, принимали за своего.

— Здорово! — воскликнул я.

— Мы все будем смотреть. Один стоит на стреме — не засыпает, чтобы не пропустить. И как только створки начинают открываться, будит всех остальных.

Я снова кивнул.

— Тебя мы не будили, потому что... ну... ты понимаешь. А сейчас мы посоветовались и решили, что можно. Мы тебя разбудим, хочешь?

— Конечно, — ответил я немного ошарашенно.

— Вот и славно, ты не пожалеешь, Зефирантес.

— Кстати, а как тебя зовут? Я не знаю.

— Эхинокактус.

— О, какое солидное название. А что оно означает?

— Ёж, — гордо ответила Бочка.

— Как это связано?

— Греческое слово «эхинос» — ёж. Ну я же похож на ежа — колючий.

— Конечно, — подтвердил я и решил не говорить собеседнику, что он больше похож на бочку, чем на ежа.

— Но на самом деле все мы здесь ежи, — Бочка как будто прочитала мои мысли. — Так что обычно меня называют «Бочонок».

Я опять кивнул:

— Да, наверное, больше подходит.

Эхинокактус засмеялся.

* * *

Я думал, не засну этой ночью, и сначала долго не мог, но потом все-таки отрубился. Меня разбудил Бочонок и сразу показал на Питайю. Я скользнул по ней взглядом и стал осматривать все вокруг: луна, звезды, много белого света, освещенные равнины, темные гребни и впадины дюн, блики и тени. Все краски мира сошлись на четырех цветах: сером, коричневом, синем и белом, космическое небо с миллиардами звезд, смешавшимися в звездную пыль. И темные силуэты кактусов — никто не спал, даже дети. Большинство смотрели на Драконий Фрукт, лишь некоторые стреляли глазами, как я. Желтые створки Питайи медленно раскрывались. Из них выглядывали девственные лепестки самого чистого на свете белого цвета. Постепенно они смелели и все больше показывались, увеличиваясь в размерах, пока наконец не приспустили фату и не оголяли светло-желтые нежные волосики сердцевин. Полностью раскрытые цветки обрамлялись веером поддавшихся створок. Неожиданно я понял,

что до меня давно донесся аромат — нежный, какой-то жасминовый, он гармонично слился со зрелищем.

— Нравится? — с придыханием спросил Бочонок.

— А то! — просто ответил я. — Спасибо за посвящение!

— Пожалуйста, — сказала огромная бочка и вежливо добавила: — Знаешь, а ты не такой урод, как мне казалось вначале.

Я хмыкнул. И приятно, и немножко обидно.

Я не заметил, как заснул, а утром проснулся оттого, что что-то чесалось — мама дорогая, у меня вылезли еще цветки! Сразу три бутона и даже несколько здоровых листиков вперемешку с моими культуями. Днем цветки раскрылись. Но уже с утра я получил кучу комплиментов. Сегодня мы много общались с кактусами, свободно, непринужденно, и я чувствовал себя своим, счастливым.

* * *

Толпа юнцов приближалась к нам. Их вид насторожил меня — решительный, агрессивный.

— Oye, ¿hay alguien aquí?¹⁰ — крикнул парень в драных джинсовых шортах и черной футболке и кинул увесистый камень в ближайший кактус.

Им оказался Чолла. Чолла по привычке смолчал, хотя на месте удара образовалась глубокая вмятина, зато тут же бросился своим колючим отростком на хулигана и попал ему в щеку. Подросток завизжал, схватил отросток рукой и, наколовшись на шипы, заорал еще больше и стал бегать вокруг себя, не зная, как избавиться от орудия.

— Сгинь, нечистая сила, — раскатистым голосом сказал Гигантеа.

Он так говорил уже раньше, и это всегда безотказно действовало, но не сейчас. Злобные подростки устремили взгляд наверх, на двадцать метров в небо, откуда услышали голос. Один из них заорал:

— ¡Es una fuerza impura!¹¹

Длинный и надогнутый, как веточка-переросток, парень поднял камень и бросил в Гигантеа. Другие юнцы повторили.

— У-у-у, — раскатисто завыл Гигантеа — не от боли, а чтобы напугать.

— Пошли отсюда вон! — крикнул мимик и грозно поднял шупальце.

— Заколю-ю-ю! — заорала Бочка.

— Ja, ja, ja, — наперебой засмеялась злобная орава, один выкрикнул: — ¡No nos asustes! Te mostraremos quién está a cargo aquí!¹²

— ¡Goida!¹³ — обезумел жирный парень с татуировкой черепа на лбу и выдернул из рюкзака мачете.

Другие последовали его примеру. Юные убийцы направились к нам. Пустыня завывала от безнадежных стонов кактусов. Мачете обрушились на зеленых истуканов. Широким лезвиям были нипочем колючки. Куски отрубленных голов, рук кактусов разлетались по песку. Некоторые, летя с размаха, оказывались сразу погребенными под мягкой желтой периной. Но остовы кактусов неподвижно зияли белыми дырами. От женщин и детей тоже остались скелеты. Скоро подростки успокоились, выместив свою неудовлетворенность, и ушли, не прихватив с собой ни плода.

— ¡Quieren asustar!¹⁴ — сказал на прощание патлатый пацан, обернувшись к нам.

¹⁰ Эй, есть здесь кто-нибудь?

¹¹ Сам нечистая сила!

¹² Ха-ха-ха... Нас не напугать! Мы вам покажем, кто здесь главный.

¹³ Гойда!

¹⁴ Ишь, напугать захотели!

К двум третям нас — треть кактусинового населения вымерла.

Когда толпа ушла, воцарилась тишина — насколько это возможно сквозь стоны больных. Жара быстро запекала белую кровь моих друзей. Песок бугрился потонувшими и оставшимися на поверхности останками. Гигантеа был жив, но плакал. Вдруг, как из подземелья, раздался ослабевший голосок Опунии:

— Смерть Зефирантесу!

Я понял без слов — это ведь я придумал напугать людей разговорами кактусов. А некоторых это взбесило. Я повинен в смерти своих недавно обретенных друзей. Они правы.

— Смерть Зефирантесу! Смерть Зефирантесу! — скандировал весь свет.

Смерть мне, думал я. Я сам выбираю ее. И я взял листом острый камень, надорвав жилы, и наотмашь срезал себя под корень. Стебель рухнул на землю, голова-соцветие на долю секунды увидела пустое место на месте себя. Мир исчез.

* * *

Тишина в пустыне. Ясное небо. Солнце печет, и цветки Гигантеа на самой макушке лоснятся белым блеском. Вокруг них роятся пчелы, то залетая в желтые серединки, то улетающая по своим делам. У подножия Карнегии образовалось новое дупло от засохших коричневой корочкой порезов мачете. В этом дупле обосновалась хозяйка-сова — других птиц не пускает. Маленькая выжившая агава подросла и светит звездными лучами. Песок мечется от желтого к серому. Скалы стоят, не меняясь. Мелкие камни иногда перемещаются от ветра (но не от ноги, люди к кактусам больше не приходят). Чоллы нет, волосатой подруги мимика тоже, Бочонок, несмотря на размер, не вынес ранений и умер. Но другие кактусы растут и продолжают жить. Общаются, немного размножаются, иногда смеются, но совсем чуть-чуть — легкая грусть пронизывает их разговоры, и не только из-за численных потерь, но и от того, что не над кем больше потешаться, нет больше гадкого утенка.

* * *

Далее перевод с испанского.

— Развитие экспорта важнее каких-то кактусов, — сказал худощавый смуглец с торчащими ушами и шапкой темно-серых волос, распадающихся на лбу на половинки.

— Спорное утверждение, — ответил круглолицый мужчина с обвисшими щеками и шеей. Его седые волосы были зализаны назад, усики и брови коротко подстрижены, а на переносице сидели лаконичные очки в тонкой оправе.

— Посудите сами, — продолжал худощавый, — наша страна всегда жила за счет экспорта. Ресурсы — наше все. Кофе, кукуруза, свинина и... сами знаете. — Круглолицый кивнул. — Но курица — это не только экспорт. Вы прекрасно знаете, что это самое популярное мясо у мексиканцев, да и у туристов. — Снова кивок. — Сейчас у нас задача полностью отказаться от импорта куриного мяса из США. Стыдоба, что мы едим чужое мясо, когда сами можем его производить. Кроме того, нам надо окончательно завоевать Китай. Они щепетильно относятся к санитарным зонам. — Смуглый перешел на крадчивость: — Нам нужна такая гигантская беспрецедентная санитарная зона.

— Это уж точно — зона хорошая, — горделиво ответил обвисший. — Потому мы ее и выбрали для заповедника.

— Прекрасно, но он отжил свое.

— Не скажите.

— Да сколько кактусов там осталось? — пренебрежительно махнул рукой топящий за экспорт. — Большинство перебили мародеры, браконьеры.

— Сколько бы ни было — это последние.

— Конечно, я понимаю, но они все равно доживают свой век. Совсем скоро их вовсе не будет. А зона нам нужна сейчас. — Худощавый заходил по кабинету. — Нужна мексиканцам, нужна вам. Кстати, мы будем каждое утро эксклюзивно поставлять вам свежее мясо, яйца. — Он подошел к окну, рассмотрел внутренний парк и добавил: — Для вашего прекрасного сада — лучшие удобрения из куриного помета. — Затем ушастый подскочил к стене с картой мира и жадно кивнул в ее сторону: — Обещаю, мы сделаем лучшую птицеводческую ферму в Мексике, нет — в Южной Америке. Это будет город, нет — остров с домами для персонала, со своей больницей, детсадом, школой, супермаркетом и, конечно, церковью! При такой изоляции никакой птичий грипп не страшен — Китай будет доволен.

Теперь круглый встал из-за дубового стола и подошел к окну. Улица изобиловала густой зеленью, пальмами, искусно расставленными арками, фонтанами и вазонами с цветами. Мужчина в очках ответил:

— Благодаря таким, как вы, кактусы и вымерли.

Тот улыбнулся:

— Они были обречены, не я приблизил их вымирание.

— Конечно, но ученые предупреждали нас еще в 2015 году. Правда, тогда речь шла о трети всех видов кактусов. Боже, истребить такое разнообразие! Кактусы всегда были нашей гордостью. Ни в одной стране мира не росло столько видов. Это же наш символ! А текила? Вот вы говорите про экспорт — так мы текилу прекрасно экспортировали всему миру.

— Повторяю, не я истребил кактусы. Особенно агавы. Что я, дурак? Я сам любил текилу. Ммм... — посмаковал бывшее наслаждение смуглец, крикнул, встрепенулся и добавил: — Очень скупаю по ней.

Круглолицый сглотнул, медленно подошел к журнальному столику с высокими пересекающимися ножками и погладил бронзовую статуэтку в форме агавы. Сказал:

— Да, это большая утрата для всего мира... И сейчас вы хотите, чтобы мы лишились последних экземпляров этих чудесных беззащитных растений?

Худощавый приблизился к собеседнику и похлопал его по плечу:

— Понимаю, конечно... Но вы видели эти огрызки? Их совсем чуть-чуть, они на последнем издыхании. Обречены.

Тот вздохнул:

— Так-то так, но мир не простит преждевременного прощания.

— Двести миллиардов — и мир никогда не узнает, что пожар был спланирован, — ответил наглец.

Лицо, принимающее решения, отошло к окну. Снова взгляд на мраморные дорожки, колонны и цветущие кусты. Три минуты молчания и ответ:

— Вы не шутите насчет суммы?

— Нет, — быстро подтвердил человек с каплями на лице.

— Вы обещаете, что сделаете все шито-крыто?

— Гарантирую.

ЛПР направился к сейфу, разблокировал его и достал плоскую бутылку с шипованным рельефом, металлизированной круглой эмблемой и ракушечьей пробкой:

— Моя предпоследняя.

Худощавый задрожал. У него отвисла нижняя челюсть, взгляд стал стеклянным, и видно было, что он потерял дар речи.

Круглолицый налил пряную жидкость светло-карамельного цвета в две стопки, пошел с ними к собеседнику и сказал:

— Кактусы — неотъемлемая часть экосистемы пустыни. Ими питаются индейки, хомяки, черепахи. Их нектар пьют прекрасные колибри, пчелы и летучие мыши.

Смуглый смотрел на очкастого выжидательно. Тот был, казалось, спокоен, безмятежен, и по его лицу совершенно нельзя было угадать, что он чувствует или о чем думает. Оба молчали, глядя глаза в глаза друг другу, целую минуту. Наконец ЛПП подал стопку просящему, приподнял свою и решительно и весело сказал:

— За договоренность!

Худощавый нервно улыбнулся, тоже приподнял стопку, ответил:

— Восхитительно! За кактусы!

И выпил текилу.

* * *

Мексиканский мужчина очень напоминал кота Базилио из советского фильма. Маленькое круглое лицо, невыраженные губы, сверху и вовсе скрытые широкой черной полосой усов, сплошное полотно недавно побритой щетины и маленькие круглые солнцезащитные очки. На лице застыло такое же, как у Базилио, спокойно-плутовское выражение. Базилио очень шла огромнополая соломенная шляпа. Волосатая грудь его была прикрыта рубашкой расцветки арбузной корочки. Руки чернели от въевшейся грязи. Мужчина стоял и наблюдал за плантацией кактусов. Его облик был таким невозмутимым, а антураж пустыни и картинка хладнокровной сосредоточенности будто перед перестрелкой — настолько знакомыми по фильмам, что, казалось, сейчас зазвучит музыка Дикого Запада. Через несколько минут разглядывания мужчина повернулся к своему Чеву Кайену, достал из открытого кузова канистру с моторным маслом. Всего Базилио достал восемь канистр. Лихо схватил сразу четыре и отнес ближе к кактусам. Через пару минут возле Клейстокактуса стояли восемь пластиковых тар с подрагивающей после переноса густой жидкостью.

Базилио аккуратно потрогал щупальце мимики. Заглянул в основание — широко. И сходил к машине за лопатой. Увидев орудие, кактусы завьили. Базилио оглядел их, сохранив хладнокровие.

— Los alimañas¹⁵, — тихим басом сказал он и принялся выкапывать траншею вокруг основания Клейстокактуса.

Кактусы рыдали и стонали. Закончив дело, мужчина поднял канистру и полил мимику моторным маслом — аккуратно и со вкусом, как блинчики сиропом. Немного налил в траншею. И достал коробок спичек.

* * *

Далее перевод с испанского.

Молодой человек в дорогом деловом костюме торопливо и чуть подергиваясь шел по тротуару и разговаривал по телефону:

— Господи, это надо предотвратить!

Голос в трубке ответил:

— Не думаю, что вмешиваться в ЕГО решение — хорошая идея.

— Да наплевать! — с жаром сказал деловой человек. — Что-нибудь придумаем потом. Уедем из страны. Главное, сейчас это предотвратить. Это же катастрофа вселенского масштаба!

¹⁵ Хм, паразиты.

Собеседник не отвечал. Деловой человек двигался вперед мимо цветных домиков, обильно увитых ярко-розовыми и фиолетовыми цветами, и ждал ответа.

— Рикардо?! — не выдержал он.

— Да.

— Что скажешь?

— Думаю, что у них и не получится, — спокойно ответил Рикардо. — Зря боишься. Как можно сжечь кактусы, они же с водой?

— Как-как, если поддерживать пламя, рано или поздно они сгорят.

— Хорошо, даже если они все сгорят, корни останутся! И из них потом вырастут новые кактусы.

Человек в костюме остановился.

— Диего? — спросил Рикардо.

— А? — встрепенулся тот.

— Слышишь меня?

— Да... Хорошо... — обрывисто ответил Диего. — Будем надеяться, что у них не получится. Ладно, мне пора бежать.

Диего сбросил вызов и, по-прежнему стоя посреди тротуара, набрал номер полиции:

— Здравствуйте! У меня есть информация, что сейчас в Международном заповеднике кактусов находится бандит, который собирается сжечь все оставшиеся кактусы.

Выпалив это, молодой человек повесил трубку. Оглянулся и пошел дальше мимо веселых зданий.

* * *

Базилио достал спичку из коробка, чиркнул, улыбнулся, смотря на пламя, и вдруг задумался и загасил огонек, встряхнув рукой. Оглядел колючие ископаемые, взял канистру и стал поливать Опунцию. Она вопила.

— Maldita sea¹⁶, — сказал мексиканец, нагнувшись и увидев густой ковер из лепешек, которые росли прямо из земли.

Вырыл траншею вокруг кактуса-девочки, залил в нее масло и отправился с канистрой и лопатой к следующему кактусу.

Крик совы, гул разрезаемого воздуха — Базилио повернулся на звук и увидел летящую птицу. Мощная серая сова направлялась к Гигантеа. Базилио провожал ее взглядом — сова залетела в дупло Карнегии. Мексиканец еще на несколько секунд загляделся и стал возвращаться к своему пути, как вдруг боковое зрение зацепилось за красочное пятно.

Мужчина повернул голову и остановился взглядом на помехе. Это была чистейшая нежность. Воздушное розовато-сиреневое суфле, покачивающееся от ветерка. Украшение из желтых дорожек и салатной бусины. Вокруг — салют из тоненьких неколючих зеленых искр. Вспышка прекрасного.

Это был я.

— ¡Cómo sobreviviste entre esos bastardos!¹⁷ — воскликнул Базилио.

«Вопреки», — хотел ответить я.

Базилио еще долго любовался мной — казалось, он о чем-то задумался, нет, что-то вспоминал, и это что-то было очень светлым: мамой, дочкой или любимой девушкой. А потом он достал телефон и стал фотографировать меня в разных ракурсах и себя со мной (спасибо — осторожно). И что-то бормотал.

¹⁶ Черт знает что.

¹⁷ Как ты выжил среди этих грубиянов!

В этот момент мы услышали звук подъезжающей машины. Базилио встрепенулся, но не сразу отошел от романтического оцепенения. Мы увидели, как из полицейского автомобиля вышли четверо с пистолетами наготове и направились к нам. Базилио метнулся в сторону от них, потом обратно к своей машине — но там бы его перехватили, и он побежал в голую пустыню. Полицейские побежали за ним. Мой поклонник бежал очень быстро, и, наверное, я желал ему удачи. Люди в форме отставали. Вскоре все люди скрылись из поля моего зрения, за песчаным холмом. Через несколько секунд я услышал выстрел. И короткий вскрик. Какой-то шум, неразборчивые разговоры. А еще через несколько минут я снова увидел их всех — двое полицейских тащили под руки Базилио, третий шел впереди, четвертый замыкал. От ноги Базилио по песку тянулся кровавый след — бедный, подстрелили. Люди в форме довели Базилио до служебной машины, усадили на заднее сиденье и заковали руки в наручники. Газанули и уехали.

Звёря поймали — а ведь он был единственным, кто отнесся ко мне с такой нежностью...

* * *

В этот день было много людей, много камер, шума и машин. Специалисты-ботаники реанимировали облитые моторным маслом кактусы. Ухаживали за другими. Вокруг нас стали возводить огромные каменные стены. Во время шумихи ко мне целенаправленно подошел мужчина — я узнал его, он был среди тех полицейских, только в этот момент без формы — и выкопал меня. Он был осторожен — достал меня всего, вместе с луковицей и донцем, не повредил даже тонюсенькие корешки. Он отвез меня на своей гражданской машине — я увидел город, только совсем немного, потому что сидел внизу — и привез к себе домой. Дверь открыла его жена и улыбнулась.

— Mira, aquí está, héroe¹⁸, — сказал полицейский, ласково посмотрел на меня и протянул жене.

— Hermoso¹⁹, — ответила она, взяв меня в руки.

Женщина отнесла меня в комнату и посадила в розовый керамический горшок с лепниной. У меня никогда не было такого красивого горшка! Женщина засыпала мою луковицу бархатистой черной землей. Полила. И отнесла в кухню. Я сначала потерял дар речи — хотя я и не говорил при людях, но в тот момент и не смог бы, — а потом чуть не заплакал. Я увидел на подоконнике множество цветов: красных, желтых, белых, фиолетовых, розовых, оранжевых и голубых. Все такие разные, красивые — мои сородичи. Я не понимал, что происходит. Но наверное, это было затерянное счастье.

— ¡Alejandro! — позвала жена. — Fíjate²⁰.

Полицейский зашел в кухню, умилился всем нам, подошел ко мне, наклонился и сказал:

— ¡Lo hiciste bien! ¡Salvó la última reserva de cactus! ¡Qué héroe tan bueno! ¿Sabías que vivías entre los últimos cactus de la tierra?²¹

«Не знал», — хотел я ответить ему.

Полицейский улыбнулся:

— Descansa. Debes haber tenido problemas²².

¹⁸ Смотри, вот он, герой.

¹⁹ Красивый.

²⁰ Alejandro! Посмотри.

²¹ А ты молодец! Спас последний заповедник кактусов! Да что там молодец — герой! Ты знал, что жил среди последних кактусов на земле?

²² Отдыхай. Не сладко тебе пришлось, наверное.

И он очень бережно погладил мой лепесток и вышел.

— Здравствуйте! — сказал я соседям через несколько минут.

— Привет, привет, — хором ответили цветы.

— Давай на «ты», — предложил один из них.

— Давай, — ответил я. — Откуда вы взялись?

Цветы рассмеялись:

— Что ты имеешь в виду?

— Все же цветы вымерли, — растерянно ответил я.

— Чушь!

— Бред!

— Вот еще!

— С чего ты взял?

— Они... они сказали мне... кактусы... что я единственный, — сказал я и зарыдал.

— Бедненький, — ответила милая белая фиалка. — Будешь моим другом?

— Буду-у-у, — еще больше зарыдал я.

— ¡Caríño, mira, estás en la tele!²³ — раздалось где-то в доме.

Я отрезвился и перестал плакать.

— Боже, у тебя что, слезы? — с высочайшим недоумением воскликнула пышная перларгония красно-белой расцветки.

Я посмотрел на себя — по стеблю стекали слезы. Слезы счастья. Люблю тебя, мир.

²³ Дорогой, смотри, тебя по телевизору показывают!